

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Васильевич Успенский

Д. В. Григорович

«Мое знакомство с Дмитрием Васильевичем началось самым оригинальным образом благодаря обязательной рекомендации А.В. Старчевского – издателя газеты „Сын Отечества“, в которой напечатан был один из моих рассказов...»

**Николай Васильевич
Успенский
Д. В. Григорович**

Мое знакомство с Дмитрием Васильевичем началось самым оригинальным образом благодаря обязательной рекомендации А.В. Старчевского – издателя газеты «Сын Отечества», в которой напечатан был один из моих рассказов.

Подавая мне аляповатое изображение какого-то господина с бакенбардами, г. Старчевский внушительно произнес:

– Вот это наш знаменитый народный писатель Григорович... Возьмите себе на память... Мы в виде бесплатной премии рассылаем этот портрет всем своим подписчикам...

Получив столь ценный подарок, я не замедлил оповестить о нем всех своих товарищей, вследствие чего портрет Дмитрия Васильевича, переходя из рук в руки, начал странствовать по всем номерам Медицинской академии и таким образом немало способствовал популярности знаменитого беллетриста и возбуждению интереса к его произведениям.

Как известно, беспощадная сила времени стушевала имя этого литературного корифея, занимавшего вполне законное место наряду с Тургеневым, Толстым, Достоевским, Некрасо-

вым и Гончаровым. Дмитрий Васильевич на долгое время прекратил свою творческую деятельность ввиду появления целой плеяды новых литературных светил, большая часть которых была одержима «гражданской скорбью» и провозглашала, что «сапоги – выше Пушкина». Это смутное время даже самого И.С. Тургенева заставило положить перо и сказать: «Довольно!». Как бы то ни было, но мне как сотруднику «Современника», еще не успевшему облачиться в «ризу спасения» за худалого журнала «Отечественные записки», посчастливилось лично познакомиться с Дмитрием Васильевичем. Однажды я получил от Некрасова приглашение к нему на обед, за которым лицом к лицу встретился с г. Григоровичем. Наружность знаменитого писателя, его манеры, даже самый голос сразу очаровали меня. Он сидел со мною рядом и громко спрашивал автора «Записок охотника»:

– Помнишь, Тургенев, в твоём Спасском белого быка?..

– Как же не помнить! – с добродушной усмешкой отвечал Иван Сергеевич.

– Совершенный египетский апис... Я ужасно любил его... А помнишь, с какой жадностью ты истреблял сливочное масло?

Тургенев на это ничего не отвечал, а лишь снисходительно улыбнулся.

Но вот наконец Дмитрий Васильевич удостоил и меня вопросом:

– Что вы теперь работаете, Успенский?

– Пишу очерк под названием «Обоз».

– Что ж тут интересного! Вы хотите описать мужиков, которые едут с рядой в город?

– Да, – робко отвечал я.

– Но у вас, мне кажется, ничего не выйдет... Что это за сюжет!.. Ну, едут себе мужики и едут... Я тут ничего не понимаю...

Время показало, однако, как глубоко заблуждался Дмитрий Васильевич. Мой «Обоз» стяжал мне неувядаемую славу «знатока народного быта», неоднократно удостоивался чести быть прочитанным на сцене Малого театра Садовским, а в Александринке ему пришлось даже фигурировать в качестве драматической пьески в бенефис Васильева 2-го. Даровитый бенефициант с присущим ему неподражаемым комизмом в таком совер-

шенстве исполнил роль лакея с отмороженным носом, что привел публику в восторг. Обутый в белые валенки, он торопливо бегал по сцене и кротко говорил, держась за свой нос:

– Хозяюшка, нет ли у вас, родная, гусяного сальца?

– Да что, ты разве нехристь какой? – зычным голосом отвечала дворничиха. – Греховодник этакой!.. Разве не знаешь, что теперь пост?

– Да ведь мне сало-то не есть, красавица моя, а только помазать нос! – произнес Павел Васильевич таким тоном, что вся публика разразилась громким хохотом и наградила бенефицианта долго не смолкавшими рукоплесканиями.

К сожалению, остальные актеры в весьма значительной степени ослабили успех моего миниатюрного произведения, обувшись в новенькие лапти, напялив на себя какие-то снежной белизны балахоны и поставив своей неременной обязанностью завалиться на колымажку во все стороны печку, чем и привели публику в крайнее беспокойство и сму-

щение...

По окончании некрасовского обеда все литературные светила со своими спутниками под влиянием Бахуса сочли нужным возлечь на мягких широких диванах и потолковать «по душе»... Дмитрий Васильевич подходил то к одной группе своих собратьев, то к другой, желая, по-видимому, тоже произвести causerie[1] «по душе», но, заметив к себе общее равнодушие, поторопился оставить гостеприимный и блиставший огнями кров поэта «мести и печали»... Вслед удалявшемуся литературному корифею раздавались чуть не вопли о злосчастной судьбе так называемой «меньшей братии», о которой Григорович был не совсем лестного мнения. Так, на одном вечере, окруженный тесной толпой слушателей, половину которых составляли дамы, он мастерски рассказывал о безобразной и антигигиеничной обстановке, среди которой влачит свое существование «меньшая братия» благодаря своей косности и невежеству, не поддающимся никаким радикальным мерам.

– Представьте себе, – говорил Дмитрий Васильевич, – еду я зимой в санях, закутанный в

теплую енотовую шубу... А было уже около девяти часов вечера... Вдруг лошади остановились, и кучер, почесывая у себя в затылке, обращается ко мне с известием: «Дело-то наше с вами неладно, Митрий Василч...» – «Что такое?» – в испуге спросил я. «Мы сбились с дороги...» – «Чего ж ты прежде-то смотрел?» – «Господь ведает, как это случилось... и сам не знаю...» – «Ах, ты, Селифан, Селифан!.. Ну, поезжай „наудалую“ ... целиком... авось, куда-нибудь да приедем...». Кучер осенил себя крестным знаменем, и мы «на власть Божию» понеслись неведомо куда... Я уж начал про себя декламировать известные стихи Пушкина: «Вижу, духи собралися средь неведомых равнин», как вдруг услышал собачий лай... Мы въехали в какую-то деревушку и отыскивали избу, где можно было переночевать... Но вы, господа, представить себе не можете более отвратительную картину, чем какую я увидел, войдя в курную избу с грязным полом, зевающими во всю глотку детьми, мычащими телятами, какими-то хрюкающими животными и тускло освещенную горевшей лучиной, воткнутой в так называемый «светец»...

– А что такое светец, Дмитрий Васильевич? – спросила одна барышня.

– Это так себе... нечто вертикально поставленное среди избы, вроде толстой оглобли...

Зала огласилась громким смехом...

– Ну, что же, что же дальше? Рассказывайте, пожалуйста, – упрашивали дамы.

– Само собой разумеется, – закуривая папиросу, продолжал Дмитрий Васильевич, – уж мне было не до сна, тем более что и лечь-то было негде... нары, печка, полати и все лавки были заняты, не исключая и подпечника, в котором помещались какие-то птицы. Подняв воротник своей енотовой шубы, я уселся в переднем углу на конике с твердой решимостью не спать до утра... Но увы! Я так был утомлен, что невольно задремал... Вдруг пробуждаюсь и чувствую, что умираю... Огонь в избе был уж потушен; среди кромешной тьмы раздавалось дружное храпение... Благодаря невообразимой атмосфере я ощущал приступы асфиксии и, по чувству самосохранения, начал искать дверь... Но ее не оказывалось... либо я натыкался на нары, либо на какую-нибудь пряху, либо на спящего те-

ленка... Наконец я впал в обморок и беспомощно упал на грязный пол...

– Боже мой! – хором воскликнули дамы. – Это ужас! Как же вы остались живы?..

– Благодаря простой случайности: я угодил головой прямо в дверь, которая отворилась и пропустила струю свежего воздуха... Не будь этого, – заключил Дмитрий Васильевич, – вы бы не услышали от меня этого рассказа...

Самые громкие и восторженные аплодисменты раздались в зале.

В последний раз я увидел Дмитрия Васильевича в ресторане Доминика на Невском. Вошедши в зал, он приказал лакею подать себе телячьи ножки и затем, осматривая посетителей, вдруг остановил свой взгляд на мне.

– Успенский! Это вы? – подходя ко мне, спросил Дмитрий Васильевич.

Мы пожали друг другу руку.

– Давно, давно мы с вами не видались, – продолжал маститый беллетрист, сядемте-ко за одним столом и вспомним старину...

– Откройте нам секрет, Дмитрий Васильевич, – сказал я, – отчего вы бросили литературу? Ведь вы знаете, как много на Святой Руси

почитателей вашего таланта...

– Да некуда стало писать... Во всех теперешних журналах требуется тенденция, гражданская скорбь и развенчивание авторитетов, а я просто люблю изображать картины, которые мне по сердцу.

– Ну, вот в своем «Гуттаперчевом мальчишке» вы провели же тенденцию и прекрасно сделали...

– Это совсем другое дело... тут идея органически совпадала с формой, а вы должны знать, что это редко встречается в области искусства...

В это время слуга принес телячьи ножки, которыми и занялся Дмитрий Васильевич.

– Отчего вы, – спросил я, – оставили свое каширское имение, живописные берега Оки, которые с таким мастерством изображали в своих произведениях?..

– Просто не было никакой возможности там жить... Вообразите себе такого рода сцену: заваливается в мой дом пономарь, окруженный целым или, лучше сказать, несметным полчищем своих золотушных детей, падает передо мной на колени и начинает умо-

лять: «Батюшка-благодетель Митрий Васильевич, спасите от неминуемой гибели... Заставьте за себя вечно Бога молить!» – «В чем, в чем дело? Расскажи, пожалуйста», – с неподдельным участием спрашиваю я. «Кормить семью нечем... А вы извольте посмотреть на мое потомство: аки песок морской... Черт укормит такую ораву...» – «Чем же я вам могу услужить?» – «Да у вас, будем говорить, за вашим садиком пустует осьминник землицы... Пожертвуйте его мне...» – «С удовольствием, но меня удивляет, каким образом такая скрупулезная частица земли может прокормить ваше многочисленное семейство...» – «Уж я знаю свое дело... не беспокойтесь... Мы с женой все обдумали...». Я приказал своему управляющему совершить у нотариуса дарственную запись и таким образом сделать причетника полным обладателем сказанного осьминника. Чем же, вы думаете, кончилось дело? Пономарь на вновь приобретенном клочке земли выстроил себе... кабак, который не замедлил сделаться не только вместилищем невообразимого, бесшабашного пьянства, но и притоном лошеводов, которые в са-

мое короткое время успели украсть у меня тройку лошадей... Ну, вот и живите после этого в деревне...

Примечания

разговор (*φρ.*)

[^^^]